

Р. 4-4
Рис 7-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ

СОДЕРЖАНИЕ 19-го НОМЕРА:

Анархизм и большевизм	— — — — —	М. НЕТТЛАУ
Анархическая работа во время революции	— — — — —	П. КРОПОТКИН
Ошибки марксизма	— — — — —	ЖАН ГРАЙ
Азбука анархиста-революционера	— — — — —	Н. МАХНО
Анархизм, как философия действия	— — — — —	В. ХРУСТАЛЕВ
Памяти П. А. Кропоткина	— — — — —	А. ТЮХАНОВ
Что делать?	— — — — —	АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИЧ
Петр Кропоткин в 1928 г.	— — — — —	Д-р М. ТЮБЛЕР
Очерки по истории анархических идей	— — — — —	М. НЕТТЛАУ
К рабочим и солдатам всех стран	— — — — —	ЛИСТОВНА

Рос 4-4
7-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ ГРУПП «ПРОБУЖДЕНИЕ»
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET

DETROIT, MICH.

№ 19 — 20.

ФЕВРАЛЬ — МАРТ 1932 Г.

СОДЕРЖАНИЕ: М. Неттлау. Анархизм и большевизм: социализм, каким он должен быть, и социализм, каким он не должен быть. — П. А. Кропоткин. Анархическая работа по презию революции. — Жан Грав. Ошибки марксизма. — Н. Махно. Аббука анархиста-революционера. — В. Хрусталев. Анархизм, как философия действия. А. Тухачев. Памяти П. А. Кропоткина (Стихотворение). — Анатолий Горелик. Что делать? — Д-р М. Тоблер. Петр Кропоткин в 1908 году. — М. Неттлау. Очерки по истории анархических идей. — Листовка. К рабочим и солдатам всех стран.

MAX NETTLAU.

АНАРХИЗМ И БОЛЬШЕВИЗМ:

Социализм, каким он должен быть, и социализм, каким он не должен быть

Постоящей интеллектуальной катастрофой и моральной трагедией является то обстоятельство, что, после целого столетия углубленного исследования процесса эволюции и извращения человеческого прогресса, первые же возможности социалистических достижений в крупном масштабе, создаваемые крушением паризма в 1917 году, были загублены. Они были принесены в жертву на алтаре всего, это стремился план, упрочивая власть, воздвигая стены и платония против эволюции и принося человечеству еще раз в жертву молоду единой догмы и касте перекрещивающей, приспосабливавшей этой догме. Это было сдела-

но большевизмкой узурпацией и монополией в ноябре 1917 года.

Узурпация и монополия с тех пор втрое росли, фатально укреплялись и обобщались, в той степени, в какой они пытались стать на пути эволюции и добиваться только своего собственного увековечения. Чтобы совершить это в нынешней веке, узурпация вынуждена внешним образом подражать формам прогресса, техническим усовершенствованиям и социальному устройству, но это уже не признание прогресса, как монархия или перекрест ступенчатых прогрессивными и прогрессивными, когда двинуты и перекрест оцениваются электричеством или де-

574

сформируется современными художниками. Все морально гибнет под рукою, реанции, которая захватывает целиком душу и тело человека и свою власть и формирует их по своему усмотрению. Именно это, судя по всему, что я знаю, проделывают с русским народом с конца 1917 года, как это делают и с итальянским народом с 1922 года и с другими народами в других формах с тех же пор.

Это пластическое переделывание мысли и природы народов догматическими деспотами является преступлением против духа человечности. Человечество, со второй половины 18-го века, переросло эту ста- тию, оно боролось и бунтовало против нее, будило разум, все более возмущалось и пролило свой гнев повсеместными революционными всплесками, выразило свое возмущение в мыслях и в науке, во всех формах либерализма и социализма на протяжении столетия. Человечество не желает идти назад в интеллектуальную и моральную опустыненность и грубость средневековья.

Все это необходимо объяснить исторически, как примитивное несовершенство первых коллективных практических шагов к социализму, сделанных при самых неблагоприятных условиях, после целых годов раздражающей, огрубляющей и мучительной войны. Мы должны допустить, что в 1917 и 1918 годах ни меньшевики, ни социалисты-революционеры, ни синдикалисты и ни одно из направлений анархической мысли не отличались особо высокими качествами, ни в своих практических достижениях, ни в своей моральной способности приносить партийные интересы в жертву общему делу.

Допустим все это, в интересах дальнейшего обсуждения вопроса. Чем больше было необходимости в дружественном сотрудничестве всех прогрессивных сил, тем более индивидуальная догма, самоуверенность, эгоизм, заинтересованность и партийная гордость, или тщеславие, должны были отходить в сторону. На самом деле сделано было как раз обратное и то же самое про-

исходит делаться и теперь. В результате получается жесток и разложившиеся, которые в настоящее время лишают человечество сотрудничества целых народов, больших и малых, заключенных в тюрьмы и содержащихся за решетками или за колючей проволокой, границ большевистских, фашистских и национал-авторитарных государств. Другие народы содержатся в настоящих домах смерти, под гнетом финансового рабства и обнищания, духовного и телесного голода и отчаяния. Лишь очень немногие народы ведут относительно нормальную жизнь, но и они потрясены поразительным ростом кризиса в течение 1931 года, и им также не под силу нести тяжесть современной цивилизованной жизни, чрезвычайно сложного организма, зависящего от сотрудничества очень значительного числа сил, из которых многие теперь парализованы, дезорганизованы или даже и вовсе уничтожены. Столько плачущих, мучимых или пугаемых, что крушение, которое может при таких условиях наступить, не только повторит, но и усилит и ухудшит те неблагоприятные условия, которые в 1917 году оставили так мало шансов на благоприятный исход великой русской революции.

Есть люди, которые уверяют, что заплата большевистской революции требовала и до сих пор еще требует безусловного подавления всего, что не есть большевизм — кие мысль, действие или, по крайней мере, слепое подчинение им. И есть много сочувствующих, которые этому верят, и тем больше верят, чем дальше они знают. Все это только временно, говорят нам эти люди и указывают на то, что несомненно поколений тому назад, Маркс, а позднее также и Ленин признавали безусловнейшее управление, свободное общество, эфиром, как последнюю и окончательную стадию развития — совершенно так же, как самый богатый капиталист-христианин всегда готов признать, что после чистилища люди пойдут в Царствие Небесное, где не будет ни богатых, ни бедных, а все будут равны, свободны и счастливы. А пока

что, "временная" стадия должна быть продлена всеми способами — а мы знаем, что означает "всеми способами", и мы знаем также особую жизнеспособность общественного устройства, именуемого "временным" или "переходным". Так как такие промежуточные формы весьма несовершенны, стеснительны, невыносимы, то их поддерживают силой, путем все более растущего принуждения, со все большими расходами, и все это противостественное, искусственное положение вещей становится еще более невыносимым и требует еще более искусственных подворок, путем сил и крутых изгибов — и т. д., от плохого к худшему, до тех пор, пока перегретый паровой котел не разрывается. Тогда происходит разрушительное крушение. Все это присуще так называемым "временным мерам", полумерам, которые, по самой природе своей, не могут быть вполне действительными и, следовательно, должны вести к кризису, но не могут вести к здоровой и прогрессивной эволюции, ибо минус усилия может вести механически и неизбежно, только к минусу эффекта, и весь организм не может жить надавливающим образом при длительном отсутствии поддержки.

Таким образом большевизм, совершенно независимый от его внутренних качеств, обнаруживаясь, в качестве двигателя прогресса, и потерпел банкротство также и как живая система, хотя его все еще поддерживает тот естественный закон, который делает невозможным для маленькой силы, для воли догматического меньшинства, контроль и управление жизнью громады большей силы — всего русского народа.

Наихудшие правительства ухитрялись, правда, существовать путем репрессий, земных, внешних войн и т. д., но прогрессивные силы всегда стремились к свершению таких правительств и очень часто в этом успехах — и большевизм поставил себя как раз в такое же положение: напрягая каждый нерв, он ухитряется существовать, но в один прекрасный день он дрогнет и падет.

Будущее социализма не зависит от судьбы этой первой попытки, которая такова очевидным образом потерпела неудачу. Будущий великий художник пишет всегда, в детстве своем, несмелые наброски, но уже в этих первых набросках его можно иногда различить ту или иную особенность его будущих достижений. Никогда не бывает так, чтобы какая-нибудь пьеса художников развивалась, исходя из типичных детских несовершенных рисунков, в качестве образца. Точно так же велемо было бы считать, что неизбежные несовершенства большевистского режима должны быть приняты за образцы, что эти образцы следует почитать, как неизменные, что им следует рабски подражать и стремиться пересадить их во все другие страны, как это делают "коммунистические партии." Они делают не только это, они еще борются против всякой другой социалистической концепции во всех странах с тем же самым диким фанатизмом, с каким стоявшие у власти большевики жестоким подавляли все другие течения внутри современной России.

Так поступали христиане в самые мрачные времена, сжигая еретиков, предавая мечу неверных и подчиняя всю Европу слепой покорности, удашая свободу и науки. Можно ли поэтому считать, что ни одна цивилизация ничего не стоит и что единственным образцом для всего мира является примитивный организм нынешней русской экономической жизни, — механизм, который, судя по всему, что мы знаем, обеспечивает лишь скудную жизнь изо дня в день, полную подчинения суровой государственной власти с ее невиданной жестокостью.

Нет, человечество не так бедно и никогда таким убогим не будет. Уже в 19-м веке оно достигло той степени свободного интеллектуального сотрудничества во всем мире, которая не позволит надолго остановить ход умственного развития силами фанатизма. Мы, социалисты, со времени 1917 года, на горьком опыте познали, что словесная война социалистических школ между собою в течение предыдущего сто-

Мир не успокоился, кажим публичным порывом к радостной солидарности и день действительной победы. Наоборот, племя на бумаге почти всегда приводило к тому, что преобладавшая партия угрожала более слабой партии вооруженною силою и потом, безжалостно подавляла ее физическою силою. Большевики использовали своих противников и принудили их к молчанию, которое длится вот уже 14 лет. Мы думали, что Французская Революция, во время которой одна партия за другой отправлялась своими бывшими членами на гильотину, должна была послужить примером, ибо это послужило только на пользу коварному торжеству диктатуры Бонапарта, для скорумения которого понадобилось объединение большей половины Европы много лет спустя. Для нас это было и есть предостережение — для большевиков же это было и есть образец. Здесь они стоят в стороне от всего мирового социализма. Если их господство затянется, как затянулось господство Наполеона, то это было бы бедствием и подрывом, а не спасением общества. Каждый знает теперь, что авторитарный социализм на деле означает абсолютную тиранию, как Бакунин столько раз заявлял в лицо Марксу, но чему верить всегда отказывались социалисты в массе.

Эти факты прокладывают дорогу для прогресса всех подлинно свободных форм социализма. Социализм без свободы столь же невозможен, как лавка, набитая всеми произведенными земли, но с закрытым окном, без воздуха, где люди ~~превращаются~~ было бы жить. Овца для воздуха и свободы должны быть широко открыты в социалистическом обществе — таково теперь убеждение здоровой и здравомыслящей части человечества. Голоса этой части человечества часто заглушаются истерическими криками отчаявшихся людей, стоящих вконец в потери разума и способности жить. Такие люди начинают признавать тиранию, диктатора, подобно тому, как обесумевший человек хватается за топор и сакрает все вокруг. В этих бедных жерт-

вах рождает весь авторитарный воспитание. Они представляют собой власть, потерпевшую разрыв. В странах, стоящих на краю полного крушения в Европе, такие люди бросаются от коммунизма к национализму, к фашизму, туда и сюда, подобно моли, летающей от свечи к свече, пока не найдет себе крыльев. Это просто безумие, индивидуальное и коллективное.

Все это должно научить нас терпеливо относиться к человечеству, на разрыв которого, в годы успешной пропаганды, так много лучших людей пришли к социалистам и анархистам.

Они заставили нас поверить и, до последней степени, видеть, что почти все остальные люди подобны этим и что, следовательно, путем усиления пропаганды в течение времени можно было бы привлечь в наши ряды очень значительную часть населения. Мы упустили из виду тот факт, что число таких новообращенных подлинных социалистов очень ограничено, и что только путем постоянного ослабления своего социалистического характера, социал-демократическая и рабочая партии и крупные рабочие организации могут побуждать миллионы голосовать за себя или получать членские карточки бо- лальных тред-юнионов.

Теперь, когда все неприятное и катастрофическое, ежедневно происходящее после 1914 года, оказало влияние на повседневную жизнь каждого в Европе и очень многих в Америке, а также на других континентах, теперь в движение пришли губительные массы. Ретрограды выступают на передний план так же, как и прогрессисты, и мы только теперь можем измерить сумму авторитарной авторитарности, неведомости, злостности, которые жили и живут среди нас в каждой стране. Это шестое десятилетие в конечном счете может оказаться, по моему мнению, только показателем неготовленности и беспомощности их. Свободолюбивые люди стоят в стороне в эти годы, но они не ушли и не замерли — они только предоставляют ретроградям позазать себя на деле и исчезнуть. Мы наде-

емя, что на этом и закончится парад репримандов, хотя они могут еще причинить много вреда, прежде чем исчезнуть.

Анархизм играет важную роль, славную роль в подобные времена, если только он твердо стоит за свое и всего человечества великое дело. Не анархизм, изложенный в программах, в платформах, в брошюрах, в бакалаврских статьях и речах, а предчувствие более широкого и глубокого грядущего анархизма. Этот анархизм, устами Годвина, предостережет Французскую Революцию от принятия ею авторитарного характера и направления. Он снова послал предостережение революции 1848 года устами Прудона, предупреждая ее не превращаться в правительство нового образца. Тот же анархизм, устами Бакунина, предостерегал Интернационал 1864 года от превращения составлявших его групп и партий в фракции, растерявшие свой социализм из-за авторитарной жадности к политической власти. Вследствие несчастного стечения обстоятельств, такие предостережения слабых голосов всегда оставались без внимания, вплоть до военной катастрофы 1914 года. Эти голоса слишком слабы, почти случайны даже теперь, после 17 лет всеобщих страданий. В течение этих 17 лет даже те, кто менее других пострадал, не имели возможности полностью наслаждаться своим более счастливым положением. Эти голоса должны усилиться и стать постоянными и быть выразителями широких и общих воззрений. Все дело социализма находится теперь под занавесом таких людей, ибо большевики не занимаются более о социализме, будучи заняты истреблением всех, кто не присоединяется к их вере. Политические же социалисты до такой степени увязли в современном строе — от Муссолини, Брианса, Макдональдов, Пилсудских, управляющих целыми странами, до мелких людей, составляющих десятки тысяч, связанных с какою-нибудь фабрикой, мастерской или государстве или партийных мажорант, — что они поддерживают этот строй изо дня в день всеми ухищрениями, пытаясь продлить его существование.

Их задача — продлить благоприятное им положение, задерживая приход свободного общества, где им также — подумайте только! — может быть, пришлось бы работать. Таким образом, все покорило на плечах всех прогрессивных людей и в особенности анархистов, которые черпают свое нравственное право в том, что они были и желают быть наиболее действенными представителями прогресса. Из всех социалистов только они не стремятся навязать какой бы то ни было строй, они хотят только расчистить дорогу от всех препятствий для прогресса: от власти и невежества, привилегий и монополии, от господства жадности и от покорности ей, — а тогда прогресс, свободное человечество, сами по себе побьются о себе и создадут формы социальной жизни, которую мы можем предвидеть скорее в мечтах и догадках, чем путем планов и расчетов. Эти планы мы можем с пользой обсуждать и улучшать индивидуально или коллективно, но мы не претендуем навязать их человечеству в качестве единственных возможных решений или непогрешимых программ.

Было бы также большой ошибкой, по моему мнению, если бы дружественные отношения между анархистами и синдикалистами разных стран привели некоторых ~~только~~ к вере в то, что они могут безопасно сдать полностью свое дело с делом синдикализма. Базис этих двух группировок различен и, при нынешнем положении вещей синдикализм поглотит любое крыло анархистов, которые дадут себя поглотить, но он ничего не дает взамен этого.

Там, где синдикализм вполне сознательный, он остается совершенно обособленным. Анархисты должны научиться умению не давать увлекать себя исключительно в одном направлении: при каждой случайной помощи, оказанной им синдикализму, они должны помнить о более выском долге перед анархизмом, а ничто не мешает им всегда быть полезными обоим.

Должны ли и подвергнуть здесь обсуждению еще некую другую обезкураживающую особенность нынешнего времени?

Было время, много лет тому назад, когда некоторые товарищи, одушевленные самыми лучшими намерениями, пытались, как это делается в цирках, ехать одновременно на двух лошадях, поставив одну ногу на седло одной лошади, а другую на седло другой. Я имею здесь в виду анархо-большевиков. Мне кажется, что все они были, рано или поздно, сброшены со своих лошадей, ибо их лошади скакали совершенно в разных направлениях. С тех пор некоторые из них опять почувствовали себя анархистами, а другие были поглощены большевизмом. Влияние всех этих "великих дел" совершающихся вокруг них, попытки быть полезными в разных направлениях, объясняет эти ошибки мысли. Но в течение нескольких лет, после появления платформы 1926 года, насколько мне известно, нетерпение, оторванность, и, прежде всего, зрелище внешне-могущественного большевизма, правящего массами, толкнули некоторых на мысль постепенно вводить авторитарные черты в самый анархизм. Такие действия свидетельствуют только об отсутствии веры, о трусости и о подражательных привычках, допускающих проникование в анархизм совершенно противоположных идеологий и настроений. Они подрывают анархизм повсюду, где он есть — в русской, французской, а иногда в испанской среде. Это, в сущности, маленькие умы для нынешних времен великого возбуждения, когда все происходящее требует от анархистов открыто развернуть свои принципы. Они же поступают как раз наоборот, как бы стыдясь себя самих и жаждут создать вновь некий анархический большевизм. Лучше бы им просто присоединиться к большевизму, раз их сердце на его стороне.

Эти тяжкие времена требуют, лучше направленных либертарных усилий. Капитализм слишком доверчиво относился к государству, к своему пособнику в борьбе против "внутреннего врага", рабочих. Оно заблуждалось о новых рынках путем искусственной иностранной политики и завоеваний. Но в самое недавнее время, когда силы госу-

дарства были сведены с пепла, в 1914 г., они вызвали такую мировую катастрофу, что и 17 лет спустя "военные" страсти свирепствуют хуже, чем когда бы то ни было. Вы можете назвать это финансовой, или торговой, или таможенной войной, или войной за золотую валюту или долги, но как бы их ни называть, а в результате каждый человек теперь является жертвой банкротства и крушения государственной власти и капитала. Вся мировая сеть внутренних отношений находится в тисках кризиса. Конечно, голоса либералов, радикалов и либертеров зазвучат теперь громче. Момент для едкой критики государственного начала и для обсуждения путей к свободной и солидарной социальной перестройке — теперь наступил.

Здесь мы чувствуем, что целый мир отделяет нас от ложных большевистских решений. Мы чувствуем также, что восстающие массы повсюду с осуждением смотрят на государство и почти отделались уже от государственных и капиталистических предрассудков, ибо государство и капитализм оказались настолько неспособными, отсталыми, глупыми и жестокими, что не задумываясь дали возможность кризису раздуться до его нынешних, все растущих размеров. А рядом со всем этим мы видим жалкие решения, предлагаемые большевизмом и авторитарными социалистами других стран, — решения, совершенно по существу социалистического характера.

Здесь, таким образом, предстоит работа для либертеров в том направлении, какое и пытался здесь заметить. Такая работа будет для нас самих предметом изучения и интеллектуального усилия, а также средством для идейного общения с другими. Ибо человечество всего шире, всегда таит в себе более разнообразные и иногда скрытые силы, чем того могут сомневаться сторонники даже самого лучшего дела.

Большевизм задал перед нас — анархизм же направил нас, — и прогресс, эволюция направляются в его сторону.

М. НЕТТЛАУ.

П. А. КРОПОТКИН.

Анархическая работа во время революции

Побегство буржуа ради триумфа революции — это безумие. Одно их количество уже не допускает этого: ибо кроме тех миллионов буржуа, которые по гипотезе современных Фьюле-Теннислей должны исчезнуть, есть еще миллионы работников полубуржуа, которые должны за ними следовать. В самом деле, эти в свою очередь не делают ничего иного, как превратиться в буржуа, и они старались бы сделаться ими, если бы существование буржуазии не было поражено в своих причинах, а только в своих следствиях.

Что касается организационного и законного террора, то он в действительности служит лишь для того, чтобы ковать цепи для народа. Он губит индивидуальную инициативу, которая и есть душа революции; он увековечивает идею правительственного сильного и властного; он подготавливает диктатуру того, кто наложит свою руку на революционный трибунал и сумеет им руководить с хитростью и осторожностью, в интересах своей партии.

Будучи оружием правителей, террор служит прежде всего глазам правящего класса: он подготавливает почву для того, чтобы наименее добросовестный из них добился власти.

Террор Робеспьера должен был привести к террору Талльена, а этот — к диктатуре Бонапарта. Робеспьер привел к Наполеону.

Чтобы победить буржуазию, нужно нечто совсем противоположное тому, что составляет ее действительную силу, другие элементы, чем те, которыми она так хорошо научилась управлять. Поэтому нужно прежде всего узнать, что составляет ее силу, и этот элемент — противопоставить другую, высшую силу.

Но же, в самом деле, возможна буржуа провалить все революции, начиная с пятнадцатого века? Пользоваться ими для порабощения и увеличения своего господ-

ства, на основаниях более solidных, нежели увеличение религиозных суеверий или право рождения аристократии?

Это — государство. Это — беспрерывное увеличение и расширение обязанностей государства, основанное на более крепком фундаменте, нежели религия и право наследия — на законе. И поскольку государство будет существовать, поскольку закон останется священным в глазах народов, поскольку революции будущего будут работать над сохранением, и расширением прав государства и закона — буржуа будут уверены в сохранении своей власти и в господстве над массами. Законоведы, составляющие всемогущее государство, — вот источник происхождения буржуазии, и это же всемогущее государство создает действительную силу буржуазии. При помощи закона и государства буржуа накапливают капитал и создают свою власть. При помощи закона и государства они ими управляют. При помощи закона и государства они обещают заплатить те беззастыдливые долги, которые подготавливает общество.

В самом деле, пока все дела страны будут переданы нескольким и эти дела будут так безразлично сломаны, как сегодня, — буржуа смогут спать спокойно. Это именно они, помня римские предания о всемогущем государстве, создали, выработали и образовали этот механизм; это они поддерживали его на протяжении всей современной истории. Они платят его в своих университетах; они руководят им в своих трибуналах, они показывают его в школах; они распространяют его и твердят о нем в своей прессе.

Их уж так хорошо приучили к традициям государства, что они не отдают себя от него даже в своих грехах о будущем. Их утопии носят его отпечаток. Они ничего не могут придумать, а принципы римского государства относите-

льво структуры общества. Если они встречают учреждения, развившиеся вне этих отношений, будь то в жизни крестьян, или в жизни другого класса, они их уничтожают, вместо того, чтобы узнать их смысл.

Таким же образом якобинцы продолжали дело разрушения изроченных учреждений во Франции, начиная с Тюрго. Он уничтожил первые деревенские сходы, которые существовали еще в его время, находя их слишком шумными и плохо устроенными. Якобинцы продолжали его работу: они уничтожали родовые общины, которые спаслись от секиры римского права; они нанесли смертельный удар общинному праву на землю; они издали драконовские законы против общинных прав и уничтожали индейцев тысячами, вместо того, чтобы постараться понять их природные учреждения.

И современные якобинцы, встречая коммун и союз племен среди сабилов, предпочитают уничтожать эти учреждения своими трибуналами, нежели изменить своей идее римской собственности и иерархии. Английские буржуа сделали то же самое в Индии. Таким образом, в тот день, когда Великая Революция прошлого века приняла все римские идеи о всемогущем государстве, которым Рубен придал свой септимизмализм, высталив их с печатью римско-католического Равенства и Братства, в день, когда революция приняла за основу социального строительства собственность и изоправительное правительство, — работа по организации и управлению Францией согласно этим принципам выпала на долю буржуа, мажоров "законопидов" XVIII века.

Народу больше нечего было делать, ибо его творческая сила была направлена в совершенно иную сторону.

II

Если по подсчетам во время будущей революции народ еще раз не поймет, что его историческая миссия — уничтожить государство, созданное кодексом Юстиниана и папскими эдиктами; если он еще раз возводит сделать себя идеями римского

государства и собственности (вместо того, чтобы работать социальности — государственности) — тогда ему еще раз придется предоставить забытую об устройстве этой организации тем, которые являются активными представителями государства, т. е. буржуа.

Если он не понимает, что истинный смысл народной революции это разрушение неизбежно иерархического государства для того, чтобы поставить на его место свободное соглашение индивидуумов и групп, т. е. федерацию свободную и временную (каждый раз с какой-нибудь определенной целью); если он не понимает, что нужно упытьковать собственность и право приобретения, стеснить господство избранных, которое заменило свободное соглашение всех; если народ отказывается от традиций свободы личности, добровольных группировок и свободных соглашений, ставших основой для правил поведения, — традиций, которые были сущностью всех предшествовавших народных движений и всех учреждений народного творчества; если он отбрасывает эти традиции и примет традиции католического Рима — тогда ему нечего будет делать в революции; он должен будет все предоставить буржуазии и ограничиться тем, чтобы выпросить у нее востановление традиций.

Идея государственности абсолютно чужда народу. К счастью, он ничего в ней не понимает, не знает как ее пользоваться. Он остался народом: он остался противником теми понятиями, которые называются обычным правом — понятиями, основанными на идеях влиятельной справедливости среди людей, на реальных фактах, а то время как государственное право основано либо на понятиях метафизических, либо на джи, либо на толкованиях слов, созданных в Риме или Византии в период разложения, для того, чтобы оправдать эксплуатацию и притеснение народных масс.

Народ несколько раз пробовал поступить с состав государства, выходящий из пользования им. Он никогда этого не мог достичь.

И он кончал тем, что предоставлял этот механизм иерархии и законов — другим: государю после революций шестнадцатого века; буржуа в Англии после революции семнадцатого века и во Франции — после восемнадцатого века.

Буржуазия, наоборот, совершенно слилась с государственными правами. Это-то и составляет ее силу. Это-то и дает ей то единство мысли, которое поражает нас каждое мгновение.

В самом деле, Ферри может презирать Клемансо: Флоке, Френсве или Ферри могут задумывать удары, которые они готовят для того, чтобы сорвать президентство у какого-нибудь Гриви или Карно: папа и его духовенство могут ненавидеть грех соучастников и вырывать у них почву из под ног; буржуазия может одинаково ненавидеть и духовенство и папу, Ферри и Клемансо. Все это возможно, и все это делается. Но нечто высшее этих чувств ненависти соединяет их всех, от бульварной кокотки до притворно-сладкого Карно, от министра до последнего профессора светского или духовного лица. Это культ власти.

Они не могут понять общество без сильного и властного правительства. Жить без централизации, без иерархии, простираясь свои лучи от Париза или от Берлина до последнего сельского стражника и заставляющего полевую деревушку поступать согласно приказанию столицы, — для него все равно, что исчезнуть обществу.

Если уничтожить свод законов — созданный мантильярами конвента*) и принятыми империи, — они не увидят ничего, кроме убийств, пожаров, грабежей из улиц. В устремлении собственности, охраняемой сводом законов, они видят пустынные поля и разрушенные города. В уничтожении армий, доведенной до крайней степени покорности своим начальникам, они

видят страну во власти злоумышленников, и без судей, окруженных таким же уважением, как тело Христово в средние века, они предвидят войну всех против всех. Министры и стражники, папа и простой священник абсолютно сходятся на этих пунктах и это-то и составляет их общую силу.

Они великолепно знают, что верховство — постоянное пленение во всех министерствах, ~~всех~~ и гражданских. Но "это не важно!" говорят они: это лишь случай с отдельными лицами, и пока существуют министерства, коммюны и отчина будут в безопасности.

Они знают, что выборы в парламент делаются при помощи денег, кружек пива и благотворительных праздников, и что в палате голоса покупаются жеманщицами и воровством. Все равно! — закон, принятый представителями народа, будет почитаться ими как священный. Его будут обходить, его будут нарушать, если он помешает, но будут произносить измененные речи о его божественном значении.

Президент Совета министров и главы оппозиции могут оскорблять друг друга в палате; но, закончив обмен слов, они излучают друг другу взаимное уважение: они две главы, два необходимых лица в государстве. И если в трибуналах прокурор и адвокат перебрасываются под голую обвиняемого оскорблениями и называют друг друга в цветистых выражениях аглунами и мошенниками, — то, закончив свои речи, они поклоняются друг другу руками и поздравляют один другого с блестящим заключением речи.

Это не лицемерие и не умение жить. В глубине души адвокат восхищается прокурором, а прокурор восхищается адвокатом; они видят друг в друге нечто, что выше их личностей: две функции, двух представителей правосудия, правительства, государства. Все их воспитание подготовило их к тому, чтобы уметь подлаживать свои человеческие чувства под формулы закона. Никогда народ не достигнет этого совершенства, и он хорошо бы сделал, если бы

*) Так называлась крайняя партия в революционном Конвенте 1792 г.

Что эскизотируемые, устав от инета, востают против тех, кто их угнетает, это довольно естественно, это мы видим в ходе эволюции. Нет нужды б в пробном, чтобы это прето по до сих пор все революционные попытки терпели неудачу, и, несмотря на увещания Маркса и его учеников, они продолжают попытки устраивать революцию без предварительной подготовки, путем пропаганды и приобретения сторонников, она создания экономической организации, способной с перлах же латов революции замечать буржуазную хозяйственную организацию, то они неизбежно придут к новой неудаче.

смерю наяться, но успех зависит от раз-
вития тех, кто ее предпримет.

Если по той или иной причине, революция произойдет в ближайшее время, — что опасаться не приходится, в виду сумятицы во всех социалистических школах, — то результатом ее была бы только и репрессия, которая из этого сделала бы невозможной новую революцию.

Несмотря на справедливость требований рабочих, несмотря на утверждения исторического социализма, насколько не является бесспорным, что революция принесет победу; опять таки, все будет зависеть от степени их рвения, от их подготовленности и умения использовать обстоятельства.

Революция в Германии, Венгрии и т.д., несмотря на уверения г. П. Луи, что русская революция есть революция пролетарская, это должна победа, так же, как и захват фабрик рабочими в Италии несмотря на их военную победу, были лишь поражениями, ибо они вынуждены были в конце концов уступить свое место буржуазии.

Стало быть, опять таки, недостаточно убежденным в своем праве и иметь уверенность мечтами и болсе или хорошими теоретиками. Ну,по, сверх того, иметь еще катор хозяйственной организации, которые желают устано-

вить вместо организации буржуазной. А между тем, несмотря на все уроки прошлого, мы в настоящее время стоим еще на

Если бы "историзм" социализма был достаточно мужествен для того, чтобы вызвать революцию и автоматически обеспечить ее успех, то нам не пришлось бы бороться из сил над пропагандой. Оставалось бы только ждать событий.

Разумеется, данный акт был той акт, во при условии историчные причины, не изменили с лтата, который был бы совершным при отсутствии этих историчных

Что касается и терминистом, т. е. я дум ствует под влиянием моти не всегда умеем опре удаюсь, мы приводим с след, тно, которое влия твения всей нашей : зать есть "но" — с инт сопротивление дольное сопротивление влияний, влияния ери или другого факта, размышлять и поступ че, чем мы поступали олада, и знание. Н никогда не следует довод до крайности, но это приводит в абсурду. Часто сюда применя эти второстепенного значения ише от нашего ви

На странице рд одновременно заяв тую и экономическую. З, ошибкой со стороны револю есля они добиваются обща личной свободы ничего оставлять от воизнзма, а надо предоста границам

НЕСТОР МАХНО.

Азбука Анархиста-Революционера

(Окончание).

Самостоятельно, через свои трудовые организации, народ стремился закладывать фундамент нового свободного общества, которое должно в глазах народа своим дальнейшим развитием изжить из общественного тела паразитизм и власть, — лапую, трудящимся совсем неужасную власть одних над другими.

Его здоровое начинание народа и особенности резко проявлялось на Украине, на Урале и в Сибири. Чувствовалось оно и в самом сердце умиривших и роивавших властей: в Петрограде и Москве, в Киеве и Тифлисе. Но везде и всюду, как социализм, так и большевизм-коммунизм имели и имеют в своем расхождении многих сторонников и палачей власти и ласковых убийц. К сожалению приходится констатировать, что измеченные себя ласковых убийц не только по профессии, но и из наших трудовых рядов, и, главным образом, с помощью таких ласковых убийц они пресекали в корне свободное начинание народа.

И как еще пресекали, и какими средствами! Сама средневековая инквизиция может позавидовать им. Мы же, зная природу всякой власти, говорили во всем социализма и большевизма — коммунизма: ешь! Вы так много писали и спорили, а коммунизм — это же не коммунизм. С таким бесценным отчаянием вы революционную чистоту и прозрачность труженикам на их освободительном пути. А коммунизм — это же не коммунизм, такими подлыми закатами — в одних случаях прямо буржуазии, а в других — ее средств, сами преуспевая в буржуазии, что даже сама буржуазия удивляется и часто смеется.

Самое здоровое начинание народа и его особенности резко проявлялось на Украине, на Урале и в Сибири. Чувствовалось оно и в самом сердце умиривших и роивавших властей: в Петрограде и Москве, в Киеве и Тифлисе. Но везде и всюду, как социализм, так и большевизм-коммунизм имели и имеют в своем расхождении многих сторонников и палачей власти и ласковых убийц.

Самостоятельно, через свои трудовые организации, народ стремился закладывать фундамент нового свободного общества, которое должно в глазах народа своим дальнейшим развитием изжить из общественного тела паразитизм и власть, — лапую, трудящимся совсем неужасную власть одних над другими. Чувствовалось оно и в самом сердце умиривших и роивавших властей: в Петрограде и Москве, в Киеве и Тифлисе. Но везде и всюду, как социализм, так и большевизм-коммунизм имели и имеют в своем расхождении многих сторонников и палачей власти и ласковых убийц.

И действительно это так. Выглядела моратория большевизма и его сторонники на прямые народные революционные начинания в Русской Революции. Система, институты позиции и структуры и армию террористов, а также пыток против Революции. А последние силой рекрутированная „красная армия“. Все те же, только переименованные. Принципы, те же, подчас еще более жесткие, жесткие и, следовательно, более революционные.

Либерализм, социализм и коммунизм — три сестры революции. Либерализм — это же не коммунизм, социализм — это же не коммунизм, коммунизм — это же не коммунизм. Либерализм — это же не коммунизм, социализм — это же не коммунизм, коммунизм — это же не коммунизм. Либерализм — это же не коммунизм, социализм — это же не коммунизм, коммунизм — это же не коммунизм.

Вспомните же! — говорили старухи революционерки — ушестенному коммунизму. Вспомните же! — говорили старухи революционерки — ушестенному коммунизму. Вспомните же! — говорили старухи революционерки — ушестенному коммунизму. Вспомните же! — говорили старухи революционерки — ушестенному коммунизму.

Вспомните же! — говорили старухи революционерки — ушестенному коммунизму. Вспомните же! — говорили старухи революционерки — ушестенному коммунизму. Вспомните же! — говорили старухи революционерки — ушестенному коммунизму. Вспомните же! — говорили старухи революционерки — ушестенному коммунизму.

твоя организация должна быть прочна и устойчива в своем социальном средстве.

Враг твоего полного освобождения, то — государство. Оно олицетворяется в лице союза "пяти": государства, война, судья, священника и прислуживающей им той части науки, которая, извращая истинную сущность естественных законов природы человека, основываясь на "исторических законах" и правовых нормах, написанных искусной рукой за деньги и для преступных целей, — пытается доказать права первых "четырех" в своих суждениях, преступлениях, покрывающих весь человеческий род, санкциях — на нормирование жизни человека во всех его личных и общественных телах.

Враг силен: ибо он на протяжении тысячелетий ведет свою жизнь в опыте грабежа и насилий — в разбоях и убийствах. Он уже опытен, он переселя в себе плутрейний кризис и сейчас видоизменяет свою физиономию внешне, и то постольку, поскольку угрожает ему смертью нарождающаяся и развивающаяся новая наука, пробуждающая человека от тибедой его вековой спячки, ослепляющая человека от притрастов, извращенных картин жизни науки из союза "пяти", и дающая человеку в руки оружие для того, чтобы пощипать себя и нащупать подлинное свое место в жизни.

Такое изменение во внешнем облике нашего врага, враг удивленный, можем мы заметить во всем, что исходит из нагрудника умного реформатора в государстве.

Еще более выразительно можем мы видеть это приспособление во всех революционных действиях. В последнем случае наш прямой враг — "союз пяти", или государство, как будто совсем смыкается с лица земли, не только по внешности, но и в своей внутренней сущности, но это только "как будто".

чуждены в своем социальном средстве и на

судной и действующей против нас.

и в данном случае урок борьбы — коммунистический в России, на Уге

и ни и среди многих племени

отот урок истории борьбы чело

своего освобождения никогда не забуде

и что то кошмарное и ужасное чело

Единственным и верным средством для истинного человека в борьбе с

жит Социальная Революция, как подлинный сдвиг человеческих масс крону человеческой эволюции.

Социальная революция хийно: но организация в точности расчищает ей путь, облегчает

и

и

ний человек, чувствующий социальную, что этот не всего человеческого рода, долее ему, анархисту, на помощь. Каждый должен почувствовать необходимость перед жизнью во го рода и оттого ее не кмо совершает над все наша "пяти": отнять в том смысле раздвинуть в своем того плыла, дав имскому обществу с

анализ.

Но при этом каждый бениности, анархист — революция застрелены, на и каждого человека к борьбе

АНАРХИЗМ. КАК ФИЛОСОФИЯ ДЕЙСТВИЯ

(По П. Кропоткину).

они не применимы. Наконец, объединение групп происходит на началах конфедерализма и автономии, ради предоставления права инициативы любой части объединения.

Необходимым дополнением теории инициативного меньшинства является теория прямого действия²²⁾.

Меньшинство действием увлекает за собой большинство, отрицая всякие способы принуждения его, пробуждая и воспитывая его самостоятельность. Отсюда вытекает три следствия.

Во-первых, идея пропаганды действием, примером. Меньшинство непосредственно претворяет свою волю в жизнь. Оно, своим примером, показывает как следует действовать, пользуясь методом наглядного обучения своей программе и тактике. Действие, пример, заставляет массы задуматься над привычными вещами и отношениями, способствуя развитию их сознания. Наконец, действия возбуждают революционное чувство, ибо "смерзость так же заражительна, как и паника."

Во-вторых, отрицание диктатуры. Если власть увлекает массы своей инициативой, то она не нужна. Если же власть силою принуждает массы следовать ее указаниям, подавляя свободную инициативу масс, то она вредна. Принуждение вызывает противодействие со стороны масс и приводит к противоположным результатам, возбуждая противоположные стремления и изолируя меньшинство. И анархизм отрицает всякое

принуждение в принципе. Вот почему Кропоткин советовал товарищам не участвовать в советах и других органах диктатуры. "Мы знаем, что из этих органов никакой организации исключается в существующей основной формуле."

Легко сказать что-либо ценное и правильное, а начать власть стремиться воплотить эту инициативу."

В третьих, идея самостоятельности. Народ, увлекаемый примером инициативного меньшинства, сам строит свою организацию, руководствуясь своим опытом и интуицией. Народу принадлежит только то, что имеет сам захватить в оорье и своей силой, или силой, расчла только на собственные силы. Ему лежит только то, что он сам делает. Вот почему Кропоткин так вад на профессиональное управление операцией.

В. ХРУСТАЛЕВ.

ПАМЯТИ П. А. КРОПОТКИНА

Ушел он от бар и сего...
Оставил палаты и...
Набатов призывным к бор...
Звучал его голос в...

В речах сго—отблески восстания...
Огнем молодые сердца...
И в сумрачной жизни всегда...

В борьбе и скитаньях все дни...
Повсюду гонимый, он за...
Холодные тюрьмы чужби...
Не редко его хоронили...

Он умер: и мы, его дети и внуки...
Сегодня наполнил...
Но в них бу...
Их в дет...
А Т...

22) См. П. Кропоткин. — "Речь бунтовщика", главы: "Дух восстания", "Рево-

теория прямого действия"

находим в драматической по-

АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Современное положение трудящихся, как и весь уклад современной общественной жизни, катастрофически выжили все новое и хорошее, до сих пор еще не исчерпавшее, пути и методы революционной борьбы, которые в конечном итоге должны привести к полному переустройству всей общественной жизни.

Мировая война 1914-1918 годов, революция в России и в среднеазиатских странах разбудили творческую деятельность, если не к самому коренному переустройству всей общественной жизни, то по крайней мере к созданию новых путей и методов революционной борьбы, приемы и формы.

Творческая работа не заглохла. Она продолжается и ни на минуту не останавливается. И если в данный момент и замечается тупица и застой на поверхности общественной жизни, то в глубине ее все так же происходят большие и глубокие работы: полная переоценка всего старого и

шестивенного, жизнь и роль личности в ней, методов ее переустройства. Выработывается фундамент для будущей революции.

Огонь революции не угас и ход революции не изменился. Мы стоим перед новой тройкой облик и другое направление. Прибыло

укрепче цепи своего владычества. Буржуазия также думает, что она уже имеет первую лодку для господства.

Но сейчас, когда в мире происходят великие и необычайные вещи, когда ясно видно, что прощай, в которую должен будет уступить капиталистический мир, стоит открытой и что капитализму нет спасения.

А теперь движется гигантскими шагами вперед. Тысячами путей протыкается все дальше и дальше. И нет той силы, которая была бы в силах убить жизнь. Все явобуде претивление может стать. Тут одному прогрессивному движению играть временно другое. Но движение жизни во всех ее формах, ведь первоначальная. Великие перемены надвигаются. И все усиливается. И нет той силы, которая бы удержала это движение. А теперь, когда мы стоим перед тем, что он доживает до своего расщепления.

Если капитализм еще только благодаря марксизму, поддерживает его существование социалистическим партиям, то теперь беремлин в себе свои силы.

Если капитализм еще только благодаря марксизму, поддерживает его существование социалистическим партиям, то теперь беремлин в себе свои силы.

Но угар марксизма, авторитаризм, жесткость его все больше и больше капитализма. И массы, обманутые идеологией капиталистической, начинают отходить от коммунизма, в котором они видели спасение. А теперь, когда мы стоим перед тем, что он доживает до своего расщепления.

Мы стоим перед тем, что он доживает до своего расщепления.

т. что необходимо всем людям предоставить одинаковые права и одинаковые обязанности, не оставляя ни за кем права на влияние над душой людей. Если кто способен стать выше и лучше, смочь открыть новые горизонты, или новые миры, возвысится над остальными людьми, он имеет на это полное право. Он только не может и не должен иметь права влиять и посылать других. Несмотря на все их особенности, власть будет тем, который их отринет и превратит в прах парота.

Понимаю этого, только предоставлю свободу каждой личности самоуправлять и плавать собой, только приучив ее быть ответственной за свои поступки, можно привести к тому, чтобы люди смогли жить в свободе, довольстве и любви.

Прививать массам такое понимание их задач и целей, внедрять в их сознание, что от них самих, от их активности, от их личного поведения и их нравственных и социальных взаимоотношений зависит и возможность социального переустройства, есть неослабая задача момента и самая важная часть анархической работы сейчас.

Но только в таком случае массы по-

только перестанут слышать и слышать
интересам власть имущих и привилегированных и лишат их возможности властвовать и эксплуатировать, но также перестанут вылезать все свои патенты своих "вождей", на свои партии и организации, а постараются собственноручно и вольно ответственными разрушить старое, и приступить к созидательной творческой работе строить новую свободную и лучшую

Тогда революционные действия революции не попадут больше в лапы либералов и политических партий, жидов" не будет больше жидовских масс. Останутся те люди, некрепкие людьми, у которых не будет власть и которые принимают все свои знания, весь свой опыт, и возьмет и направят бороться за Власть, Эксплуатации, Свободы и экономической строящей новую общества и мир для всех людей

АНАТОЛИЙ ГОРЕЛИК.

Май, 1931 г.

Петр Кропоткин в 1908 г., каким его видел доктор Тоблер из Цюриха

Так как "Пробуждение", в своем февральском выпуске (№ 15), уже поместило такое прекрасное начало делу сохранения воспоминаний о Кропоткине, то не могло ли бы оно продолжать начатое дело, особенно в тех случаях, когда записи находятся в разных руках и могут затеряться и исчезнуть? В "Die Aktion" (Берлин) за апрель 1931 года, было напечатано несколько страниц, написанных доктором Максом Тоблером для книги Иппила в 1923 году, но законченных слишком поздно для того, чтобы быть посланными Иппилу для указанной цели.

Доктор М. Тоблер, из Цюриха, Швейцария, умерший в 1929 году, во время встречи его с Кропоткиным был одним из издателей Цюрихской ежедневной социалистической газеты "Volkrecht". Он очень сознательно относился к революционному социализму и был дружественным, хотя и скептическим наблюдателем анархического движения.

Встреча доктора Тоблера с Кропоткиным в Локарно и Кавоббио, которую он относит к лету 1906 года, на самом деле, повидимому, произошла в апреле или мае 1908 года (см. "Пробуждение", № 15).

Из представлений об обстоятельствах, при которых состоялось это его первое и очень короткое посещение Локарно, М. Н.

Когда я приехал в Локарно летом 1906 года (следовало сказать: в мае 1908 года), друзья рассказали мне о нахождении здесь Кропоткина. Мне очень захотелось познакомиться с ним, и друзья повели меня к Кропоткину, который был анархистом.

Приказ об его изгнании из Швейцарии еще оставался в силе, и он считал недостойным себя сделать хотя бы маленьким шаг к отмене этого приказа. Врачи советовали ему жить в этих местах, и мои друзья узнали стороной, что полиция решила не мешать ему, если он охотился держаться от всякой агитации. Но какой в этом был смысл? Всякий разговор с Кропоткиным принимал характер агитации.

Кропоткин доказывал необходимость страстную необходимость революции. Полиция, не обратила бы никакого внимания на великого человека при условии, было бы общественного протеста его нахождения в этой стране.2) И с тем, мы считали, что хорошо свою страну и ее властей, и ставили ему поселился итальянской границы, где более широких политических

Таким образом, несколько дней он прожил в Кавоббио.

Над этим городком, на южном склоне горы, расположен с запада на восток, в котором в то время находилось много эмигрантов. Я также пробыл в Кавоббио несколько дней и встретился с Кропоткиным. Он жил в одной небольшой эскурсии, которую он проводил много и быстро, и он слушал его с удивлением и уважением. Он был только жидом Лаврова, женат, с ригичного темперамента, и он был очень добрым и очень интересным человеком. Он был очень добрым и очень интересным человеком.

1) Хронологический указатель, составленный М. Н.

2) Гитлер, который был очень добрым и очень интересным человеком.

случаях он не шел ни на какие уступки³⁾.

Так, например, он был глубоко убежден в необходимости вооруженной революции. Пролетарии изучались пользоваться оружием. Конечно, пролетарии не должны стрелять друг в друга, но с огульными нельзя сражаться и другими способами. В самом деле, в настоящее время уже не

3) Кропоткин писал полнейшее отрицание, физическую гадливость к половым извращениям. Когда один автор, оправдывавший эти отвратительные извращения, послал ему свою книгу, то самый вид этой книги был ему неприятен, и он писал друга, который взял бы ее от него, говоря при этом, в оправдание себе, что он не хотел бы иметь таких книг в своем доме. Что касается декадентской литературы и т. д., то она казалась ему фривольной и пустой. привлекающей к себе внимание ювоней в то время, когда перед ними стоит социалистическая и революционная задача, описанная в его статьях "К молодежи." Такого рода препятствия приводили Кропоткина в ярость. Н.

на. Нет, ему не ведомо, что такое революция. Может так случиться, что и швейцария (своей родине⁴⁾). Конечно, не против армии революционного пролетариата. Но существует опасность, что придут другие враждебные, а против них защита необходима при всех условиях, как в Швейцарии, так и в России. Кропоткин не понимал существования людей, совсем не желающих вести военную службу. Хорошо, в конце концов, что небольшая группа людей привлекается другим путем, внимание к проблеме в целом, но не должно быть пропаганды лозу отказа от военной службы. Опасность, грозящая со стороны германских юнкеров, и грядущая необходимость заставить держаться так.

sten" в Париже (1906-
были индивидуальные
службы. Н.

MAX NETTLAU.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ АНАРХИЧЕСКИХ ИДЕЙ

Значение произведений Кропоткина. Период 1890-1914 г. г. в анархическом движении. Заключение: период до 1931 года.

Толчок, который дал Кропоткину интерес к анархическому движению, был связан с его личными впечатлениями и хорошо продуманными агитационными теоретическими статьями в "Революции", очень скоро получившими широкое распространение в виде брошюр, была временно освобожден тремя годами его тюремного заключения, с 1883 до 1886 года.

Когда человек твердых убеждений оказывается таким образом "стреленым" жизнью на годы, то это может повлиять на его здоровье, но вынужденный отрыв от исполнения жизни и от действия, от основного хода событий, до некоторой степени компенсируется его глубоким изучением и нарастающим интересом к различным направлениям и сферам расхождения.

Даже тогда, когда человек находится в состоянии страдания, а также с волей поступает мудро, всегда остается в страдании, себя путем сосредоточенного размышления, изучая идеи и факты и выходя из де-

ла, имея в виду определенную цель, сводить к выводу, если не отождествить его, результатом.

анархизма.

год построить выводы о путях и

прихода социальной революции, или я не избе

задача была — у
вызвали, заметить
ошибка, этим обра
приводит непосредст
анархизма.

Таким образом,
принимая разумное

идеи, которые были

г. г. Кропоткин ("К

лет 1880 года), на

аппетиты — делая

наше к оупиром с

старый строй, он те

сказал, что это, что

уже сейчас создается

и деловых ор

ну то и дело на

Кропоткин доказ

идеи, время их, с

идеи, которые были

привлечением, общи

идеи, которые были

этом смысле свободно

ушию обществом протест

ду анархизма.

идеи, которые были

другие специальные

дно представляются

тем его

Такая судьба Бланши, которая 10 лет, была в тюрьме с 70-е годы и тюрьме, вышел из тюрьмы с крепко усвоенными идеями анархизма. Бланши разработал комплекс своих идей, называемых им в течение боевого периода его жизни с 1861 по 1871 год, тогда, повидимому, во время своего пребывания в тюрьме с 1849 по 1857 год. В тюрьме же он, повидимому, привнес в систему эти идеи. Кропоткин также воспользовался то-

зласть ей величайшее влияние, если она
и, маня значения постоянных и лучших

[illegible]

Такая же проблема стала бы, в случае
... .. Америк.
где снабжение продовольствием зависит от
... .. Р ...
сильно, даже ужасное, положение.

«Мы, немцы, выступали против все-
многого развития всех местных ресурсов
и, тем самым, новая идея переходила из
одной формы в другую. Мы были
только врагов и унижающих друзей. Пер-
вый период был периодом революционного
принципа, а второй — периодом контр-ре-

ло в душе Кропоткина, при всем его оптимизме и бодром, жизнеутверждающем

1. *Содержание* 1
 2. *Введение* 2
 3. *Глава I. Общие сведения о языке* 3
 4. *Глава II. Фонетика* 4
 5. *Глава III. Морфология* 5
 6. *Глава IV. Синтаксис* 6
 7. *Глава V. Семантика* 7
 8. *Глава VI. Прагматика* 8
 9. *Заключение* 9
 10. *Литература* 10

Благодаря этим и другим причинам, в основном из-за
жестокости вещей, именно эти женщины оказали
самое большое влияние на формирование и развитие
более прочные отношения с женщинами, которые
одинаковых взглядов и интересов. В то же время
они не разрабатывали, а наоборот, разрабатывали.
На это и возлагают свои надежды женщины.
Государство должно быть заинтересовано в
этом, чтобы женщины могли бы. Мы
были свидетелями событий этих лет и в
итоге, в результате, в то же время, в то же время
в то же время, в то же время, в то же время
для изучения этого периода. Это
Коммуны важным фактором в
жизни женщины? Я думаю, что да.

[illegible]

Но, а также в городах Ровенны в июле 1889 г. и в Париже в августе 1890 г. были бои.

Иногда тоже крупные стачки, вроде стачки доменных рабочих в 1889 г. и много забастовок стачек во Франции, рабочих стачек стачек. Во всех этих стачках стачках анархисты и анархисты - социальности внесли свою долю усилий, опьянения, диверсии и потерь, но до этого не удалось к ним прийти, поэтому революционному движению. Чем сильнее, тем больше социальности и их реформистские разветвления организации оказывались решающим фактором. Этим объясняется поражение широкой поддержки и осведомленности местных партийных, изданных больше всего.

Это влияние политического социализма и развитого реформизма коснулось с конца восьмидесяти годов, когда анархисты, победившие из публичной организации, в самом полном осуществлении свободного выбора и применении непосредственно революционных методов, установили в своей среде реформизм, который был неумелым и не имел средств верховным решением в раз в то время, около 1890 г. представляющая общее подпольство и социальное самодетерминизм.

Нельзя было были поданы и испорчены политическими социальными. Тогда, о том, что они делали это в конце 1889 г. и в начале девяностых годов 1890 г., рабочие большей части Европы пришли в состояние демонстрации невинными ранее массами и в самых западных местностях.

Но как раз в то время, как я уже сказал, анархисты меньше всего интересовались с этим движением (кроме Испании), а политические социальности - чьи две международные конгрессы в Париже в 1889 г. оказались такими неумелыми -- мало-мало проводили и использовали настроения и интересы рабочих.

Но они шли слишком далеко и

Так называемые "революционные" (левое крыло) и социальности появились в Герма-

ния, а также

и их революционных

ли - ну

своего рода

и

уже перешли в нечто
было подпольным своим

массовому

гью ст

жест, выжидания

лихих. Эти группы

конец в Готтманн

ом и Хр. Бернштейн

Вильгельмом Верле

сром. 1.

Франции

том, что не было

клич при помощи

хотел из их среды

нашлись организ

арлементальных директ

бы их прифакторм

Нельзя была вне

Там способные и

тина. Постро Готт

присоединили лучших

анархизму. Затем наст

(1891-1896), а после

ста, вернувшись в

она ст

прямую критику. О

наше бывшие периода

года репрессий, после

требовательство, после

года, когда

года, когда

года, когда

года, когда

года, когда

года, когда

года, когда

года, когда

года, когда

тистической молодежи, поэтов и артистов. Эти группы оказывали косвенное влияние на тех рабочих, которые уже отворачивались от политического социализма и сгибались на сторону синдикализма.

Но период покушения, годы 1892-94 приносили много потерь вследствие казни, ссылок на каторгу, осуждений в тюрьму и изгнаний. Потерь было так много, что летом 1894 года, после смерти Карно от руки молодого итальянского пикара Саво Казерно, после исключительных заповедей наступил период истощения сил.

Хотя полное уничтожение движения (путем задуманных высылки в Африку) было предотвращено благодаря оправдательным приговорам на большом процессе 30-ти, все же оставалось сомнение, что если эти события не подвляли народ на выступление. Впрочем, некоторые симпатии в народе все же были.

Зимой 1891-95 пиканники, находившиеся в Лондоне, собрались для обсуждения нового положения. Некоторые из них, в том числе Эмиль Пуже, редактор очень популярной анархической газеты в Париже "Le Pere Peinard" (1889-91) стояли за возобновление работы среди синдикалистов, где Фернанд Пеллузье, сам бывший

одним из рядов политических социалистов и был весьма популярным. Таким путем неизбежно наступил момент, когда, при всем большом влиянии эретики и воле Пуже и других, группа, которую возглавлял Генерал Ж. К. Пеллузье, и в которой они оказались менее чем в десятке, стала для анархизма среди синдикалистов, тем они рассчитывали и чем привлекательно было думать.

Это привело к первым акциям о синдикализме со стороны этих рабочих, которые, однако, не привели к серьезным результатам. В августе 1894 года, в Париже, в

одной и той же специальности, по разным социалистическим взглядам, естественно, люди выдвигались благодаря своим личным качествам и трудолюбию. Таких раз-

считалась целая группа, и они оттаивали друг от друга не менее, чем члены партии.

но революционной воле.

вернулся к работе в 1903 или 1904 го-

среди синдикалистов, а также поднял деятельность синдикалистов в разных ч-

цузского синдикализма становился все более очевидным и был подвергнут Луиджи Бертони, более 30 лет редактором "Rivoglio", также доктору

стоящее время состоящим в "L'Unité" (Париж), затем в 1907 году издавал "L'Unité" в Париже, продолжением старого "Revolte" 1891 года и многими другими.

В течение всех этих лет

ли свои собственные газеты "

заведения индивидуалистов Печать редакции Э. Арман, и т. д., но

пролопачивая вскоре после себя, была одной из привлекательнее преобладающее влияние существовавшее с 1892 до

Элиаз Рекля, которого

в Брюсселе после 1894 го-

умер в 1905 году, оставил

в Париже "L'Unité" и "L'Unité"

стались "L'Unité" и "L'Unité"

сказались "L'Unité" и "L'Unité"

также "L'Unité" и "L'Unité"

сказались "L'Unité" и "L'Unité"

сказались "L'Unité" и "L'Unité"

сказались "L'Unité" и "L'Unité"

сказались "L'Unité" и "L'Unité"

сказались "L'Unité" и "L'Unité"

сказались "L'Unité" и "L'Unité"

сказались "L'Unité" и "L'Unité"

остатков Социал-демократической Лиги и группы "Фридом", организованной в 1886 году Кроутоллами, доктором Мерфино и ан-

1895 году, но получила мирный протеста, вплоть до 1911 года, имела очень узкое влияние в смысле силы и распространения, хотя еженедельная газета "Фри-том" была издавалась непрерывно (1886-1927).

Кроутолла оказал ей некоторую помощь, но он постепенно все более уходил в сторону свою работу, в русские газеты "Народная воля" и "Хлеб и Вода", в работу и исследования, он погрузился в изучение Французской Революции и русской революции 1905 года, постепенно избравшейся через ним во всех формах агитации по листовкам, письмам и т.д. - тем. Английский октябрь проинспирировал в России в течение некоторого времени, и что было связано постоянным агитатором рабочей массовых движений. Мне не приходится здесь объяснять, что в России существовали другие тенденции раз-тенционной области друзей Кроутолла. Среди них нужно отметить Черкезова, Шлиппе и Гербеля, и существовали раз-ные взгляды на различные вопросы до ос-таточно широкой.

Вот что писал Тейлор:

... в в Европе и это критика а сама и сама он

исключительно влияние на общественное мнение. Это было ... года, предшествовавшие войне.

В Соед. Штатах движение, после Чикагской трагедии 11 ноября 1887 года, прошло через сильную депрессию, когда Либер Д. Лам, Вильям Холмс, Роберт Мост, Роберт Рэнделл (издатель Детройтского "Arise Teneil") и некоторые другие остались великими Мостовая группа, в которой состоял доктор Мерфино, стала издавать в 1892 году "Solidarity" (Нью-Йорк). Пис-

ательские газеты, побольшей частью стоя в оппозиции к Мосту, также суще-

и то время. Эмма Гейлман и Бернард были тогда в Мосту. Берман лично встречался и переписывался с директором Карнетти, и утратил того крупнейшего представителя казита -

Это было в дни очень трудной борьбы, привлекая к себе симпатии рабочих, но не настолько заинтересовавшая широкие массы, давшие немалый опыт -ских анархистов, подобно тому, как 40 лет спустя они позволяли казнить на электрическом кресле Сакко и Ванцетти.

Берман прожил в течение ... лет, но возмужал терпимым и сдержанным и возобновил свою деятельность в одном из главных течений движения, непрерывно развивавшегося после его возрождения в 1892 году. Я в длинный ряд прекрасных газет: "A-

"Mother Earth", "Discontent" и также газету индивидуалистов (В. Р. Тьюбер, 1881-1907). Под влиянием человечности Волна

Курьер, газета и личной и "Lucifer" и другие на-строениями единого пада-

Century"), около 1890 разрастающийся бор-

Импульс также работавший на протяжении многих 1895 года в "Questions

... (1903-1919) в

более крупными ф-

не ... берзарию чувства и

де Малатичи, Домени Ньюенгуеа, Густа-
Ландатера, Луиза Бертони, Луиза
ин, Александра Бермана, Эмма Го-
дальми и других, рядом с . . .

... льное состояние здоровья и восстановление работоспособности не только в дни отпусков, но и в период работы.

Были также анархисты, делавшие сближения с социальными ипотезами во-
руженную анархическую борьбу и ин-
терес к ней. Таковыми были Джули Пуке,
Джозеф Гиллман, а также Хр. Корнели-
ус, который выложил во главе своей работы,
но тогда был членом социалистиче-
ского движения, а революционными ком-
мунистами и коммунистами с западными
Были также молодые образованные анархи-
сты, главным образом во Фра-
нции и Италии, от которых можно бы-
ло ожидать некоторого содействия путеше-
ственному прогрессу в области идей.

Однако, пройдя молчанием тот факт, что ни один из всех этих талантов не воздвигнул сигналы тревоги против двух тенденций в общем анархическом движении — против русины и специализации. Рутнев была точна на много в том смысле, что теперь мы имели несколько превосходных книг, много хороших ораторов, замечательные газеты с действительными редакторами и регулярно платившими подписчиками, хорошиими ораторами, устраивали почти всепрессы и даже, после конгресса 1907 года, организовывали Анархический Интернационал.

Жизнь и революлизм, патристизм, социальный индивидуализм, экспрессионизм и жизнь за пределами общества и индивидуума в Европе и в России, в европейских странах, и проч.

сти свои специализные интересы в области движения, коротко говоря, все эти потребности, среди которых были и бытовые формы движения, возникли в то время, что все очень заняты в то время. А между тем, мы мало занимались подготовкой, подготовилась только к десятилетиям открытым и скрытым.

На лицо был также бороздчатый культ индивидуализма, с грубого индивидуализма и ред энергий, постоянного и разнообразных, смеси различных взглядов с хорошими и либертерских, а каждый своим авторитарного и

[illegible]

Поэтому не случилось то, к чему стремились. Ибо, как писал Ленин, «если бы не было центра, то не было бы и периферии». И действительно, после того, как маленькое государство перестало быть центром, периферия была затоплена, большие государства стали заказывать свои симпатии к маленьким европейским народам, говорили со своими особыми интересами и внешней политикой. Неограниченные анархисты, призывавшие к полному отказу от централизации и федерализму и были совершенно слепыми.

Линтин, Эмиль Гольман и Берман в Советских Штатах, Томас Килл в Англии, а также русские и другие товарищи во Франции.

Наше общество большевиков с его расколом и анархическим тупиком, отныне анархистов сомнамбуля, а другие сохранили ясность мысли. Потом пришли годы очень близких, повинуясь, жеманности для анархистов в Италии (1919-1921) и в Испании (проблема была в том же период и в Италии).

В обоих случаях, однако, мы не смогли к власти, а значит не достигли руководимых политическими социальными, остались на sidelines. Это возможно ли действовать разом, дали бы нам возможность сдружиться. Муссолини и итальянскому фашизму, а также испанской Демократии, возглавлявшейся генералом Франко де Ривера. И до сих пор еще неясно, каковы связи между Италией, держат в неволе великую и свободомыслящую нацию.

Привели ли все эти события анархистов к пониманию того, что, быть может, традиция и рутина не могут освободить от необходимости постоянного исследования, постоянной творческой работы, которая должна привести нас к соотношению с событиями, этого же только и авторитарного века, так страшно олицетворяется от диктаторского 19 го века, от радикального отчаяния, когда наши идеи росли и распростились? Мы не можем исправить это положение, отрывая доступ для авторитарного духа, и воздав ему прощание в наши ряды, как это делают платформисты и их поборники. Мы можем улучшить положение, по моему мнению, только путем возобно-

вить резервы существуют, они стоят под угрозой этого же только, жеманности и того, диктаторского века. Они все же хотят, она встать и принять диктаторский по-... как же и кому тому как это сделать их предки 100 лет тому назад. Вот почему Роберт Лорд, при Наполеоне и в 18-м веке, был в Париже с 1792 до 1814 года, он был в 19-м веке, период с 1820 до 1901 года.

Теперь, как и тогда, радикальное движение должно стать универсальным. Английский мир не должен упустить свои достоинства, если анархисты хотят быть первыми в этих движениях, подобно Кроули, Бакунину и Редю в их времена. Эта великая агитация должна быть осмысленным движением, иначе анархизм даст развиваться, когда все...

В этом направлении, как перед нами много работы. Мы отбросили свои позиции и развлекаться будем придерживаться рутины. Как это и изучать и заниматься. Мало движений, все же и для того, чтобы видеть повторение, а для того, чтобы дать... вперед от прошлого.

Меньше всего может быть... можно нести отцы в какой-то момент движения и что оно достигло последней степени. Много хороших примеров. И мыслями и работой, но еще много работы делать вперед. Движение падает, оно идет в правильном направлении, но оно не должно... месте, как оно это... пере так же.

с распыленными и отшедшими в либеральными и... человечества.

М. НЕТТЛАУ

1921

Объединение рабочих — дело самих ра-
бочих

ВЕС НАПРАВЛЕНИЕ ОУПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССОВ

Два года длится международное взаимодействие рабочих, ипповиоративное международная буржуазия, которая борется за рынки и мировое экономическое преоб-

объявлена Наполеоном III, подавшимся в ловушку железного канцлера.

Когда, после ее объявления, германское правительство, 21 июля 1870 г., потребовало от рейхстага вотирования военного займа, Бебель и Либкнехт не голосовали против, а только воздержались, заявив при этом: "Мы не можем голосовать в пользу военного займа, потому что этим мы поддерживали бы доверие прусскому правительству, которое своим поведением в 1866 г. подготовило настоящую войну. Но мы не можем голосовать и против военного займа, ибо такое голосование могло бы быть истолковано, как одобрение нежелательной и преступной позиции Наполеона."

Сам Маркс, от имени Генерального Совета Интернационала в Лондоне, опубликовал манифест, в котором с одной стороны признавал вину за войну на Пруссию, а с другой стороны констатировал, что для Германии война — оборонительная.

Этот он делал то, что и после, продолжая почти полтора десятилетия, не переставала делать социал-демократия: с революционной фразой на устах толкать пролетариат на путь индивидуализма своей национальной буржуазии.

Первый Интернационал ввел в себя целый ряд различных политических идеологий, но главная борьба в нем происходила между двумя группировками, из которых одна исповедовала авторитарские теории Михаила Бакунина, а другая — государственственный социализм Карла Маркса.

Идеи реакция, последовавшая после франко-прусской войны и поражения Комуны, привела к торжеству немецкой империализма, — государственного социализма. В конце 80-х годов место Первого Интернационала занял Второй, — Интернационал не грозной классовой борьбы против Капитала и Власти, а либерал, преступной демагогии, принимавший название "социальной". Социал-демократия в то время не велела народам к последнему восстанию за освобождение от этой экономической рабства, а лишь учила их подобострастному предательству через фантомы — буржуазной поли-

тической свободой в недрах капиталистического же общества.

Второй Интернационал, выросший из развалинах разбитой Комуны, десятки лет ожесточенно боролся против революционных заветов и революционного духа рабочего класса. Его линия политического поведения заключалась в следующем: Вместо революционной борьбы непосредственно против капитала — благотворительное сотрудничество пролетариата с буржуазией по пути постепенного развития политического прогресса. Вместо революционного испрошения Власти, охраняющей капиталистический строй, — подобострастное преклонение перед Государством, яко-бы охраняющим общенародные интересы. Вместо борьбы против милитаризма — вотирование военных бюджетов, ибо без милитаризма невозможно существование Государства. Вместо отрицания всяких войн — искусственное деление их на оборонительные и наступательные.

Второй Интернационал является самым крупным преступником по отношению к рабочему классу, ибо он повсеместно пропитал рабочий класс лживыми буржуазными предрассудками и навел на него гипноз Государственности. С лицемерными фразами о международной рабочей солидарности на устах, он воспитал в рабочих буржуазно-националистический дух и презрительную любовь к своему отечеству. А любя свое отечество, как более высокой материальной и духовной ценности, чем чужие отечества, противоречит интернациональной солидарности и исключает ее.

Сегодня, в этот трагический час, человечество пожинает плоды этой преступной пропаганды. Народные массы, проникнутые гипнозом Государственности, вместо войны безропотно милитаризовались для защиты своих, установивших дипломатическими трактатами, отечеств.

Повсеместный народный патриотизм, провозглашенный массами в начале войны, — несомненный факт. Этот факт означает собой фатальное отступление трудящихся

от их исторической падали. Он вытекает из живого в массах государственнического сознания. Наличие государственнического сознания явилась той единственной психологической преградой, которая сделала для правительств буржуазии возможным использование широких трудящихся масс для целей, решительно противных их интересам. — их вовлечение в братоубийственную войну.

В настоящее время массы уже начинают пробуждаться от охватившего их военного безумия. Народное недовольство неведомо растет. Оно проявляется везде, но главным образом в Германии, как стране, наиболее пострадавшей экономически. Об этом свидетельствуют частые бунты, в которых принимают участие также отпущенные солдаты и против которых правительству приходится присылать военные батальоны, первоначально предназначавшиеся для отражения внешнего врага.

Катастрофальное военное бедствие, обрушившееся на все натыкается сейчас, совершенно очевидно приближается к концу.

Но каков будет конец его?

Это будет зависеть от вас, рабочие.

Растущее народное недовольство заставляет часть социалдемократии задуматься над некоторыми положениями своей программы и тактики. Но эта "переоценка ценностей" лишь с еще большей очевидностью выявила ее закоренелость и националистических пристрастиях, ее трусость перед всемогущей буржуазией и ее лицемерие перед пролетариатом.

Правая часть социалдемократов все еще продолжает поспешно истинать в хвосте правительства, левая же часть их создала две международные Конференции — в Циммервальде и Кинтале.

Взваливая вину за международную войну, которую они сами санкционировали раньше своими ветоумом в парламентах, на господствующие классы, господа левые социалисты теперь призывают народы к прекращению ее под лозунгом "ни победителей, ни побежденных." Они требуют немедленного заключения мира "без аннек-

сий", предпологая мир, как окончательный правительством. Они тоже призывают народы к восстанию, но не к восстанию за полное освобождение труда, а во имя восстановления политической свободы (восстановить же можно лишь то, что уже было) и буржуазных законов по охране труда. Говоря с одной стороны о необходимости прекращения сотрудничества социалистов с капиталистическими правительствами (во не с волеоблющенной буржуазией!), — сотрудничеству, которое они практиковали в течение десятилетий, — они с другой стороны призывают рабочих оказывать давление на депутатов, на парламентариев и правительства!

РАБОЧИЕ, РАБОТНИЦЫ, СОЛДАТЫ!

Не следуйте за Циммервальдцами, — они трусливые и играющие в политику лицемеры! Под прикрытием революционной фразы, как они делали это всегда, они и этот раз прибегают кас лишь к восстановлению старого порядка и старых методов. У них нет ни смелости, ни желания призвать вас к Социальной Революции, к решительному выступлению против Капитала и Власти. Они в глубине души боятся Социальной Революции, боятся Социально-Революционного выступления народных масс и, прикрываясь красивой фразой, продолжают бороться против революционного духа трудящихся классов.

РАБОЧИЕ ВСЕХ СТРАН!

Вспомните золотые слова Бакунина:

"Великое централизованное Государство, каким бы либеральным оно ни являлось, хотя-бы даже оно вошло республиканскую форму, по необходимости угнетатель эксплуататор народных масс и волею привилегированного класса. Ему необходима армия, чтобы сдерживать эти массы, а существование этой вооруженной силы подталкивает его к войне... Всеобщий мир будет невозможен, пока существуют угнетающие централизованные Государства."

Свернувший сейчас международная война с наглядностью подтвердила правоту этой — и только этой — концепции. Буржуазные Государства всех стран одинаково обязаны поддерживать ми-

лигаризм и вести империалистические, захватные войны, чтобы обеспечить своей буржуазии новые рынки сбыта и экономическое преобладание. Республиканские и конституционно-демократические страны не менее империалистичны и милитаристичны, чем страны монархические. Это не в форме Государства, а в факте его существования, как необходимого областа буржуазного правопорядка.

РАБОЧИЕ ВСЕХ СТРАН!

Не слушайте лицемерных призывов социаллистов - государственничков! Их преступная пропаганда уже привела вас неоднократно к самоотрицанию и самопожертвованию в пользу вражеских классов.

Не требуйте дипломатического, т. е. правительственного мира, — безразличны с аннексиями или без них, — не пытайтесь избежать давления из-за тали правительств, из парламентов и депутатов.

Мир, заключенный дипломатами, мир правительственный, хотя бы даже он был заключен под давлением народных масс, ничего не даст вам. Он не ослабит старого порядка. Он не избавит вас от экономического гнета. Он не уничтожит империализм, ибо буржуазные Государства не могут существовать без поддержки воинов. Следовательно, он не избавит нас и от войны в будущем.

РАБОЧИЕ ВСЕХ СТРАН. СОЛДАТЫ!

Встаньте дружно против Капитала, против всех правительств. Выбросьте вместе с проходимцами всех ваших парламентских депутатов с министерскими портфелями и без таковых! Опрокиньте все парламенты! Разрушайте все церкви, где избраные правительства лживые проходимцы приносят вас к убийству ваших братьев.

Долгут империалисты — не вы! Социаллисты-государственники опять готовы совершить преступление, сдвинув вас оружием той части буржуазии, которая устала от войны.

Ваш долг только один.

Долой войну!

Долой капиталистическое общество со всеми его прислужниками, — с его паразитами, политиканами, панами и войсками! Да здравствует свободная Федерация свободных от экономического и политического рабства народов!

РАБОЧИЕ И СОЛДАТЫ!

Война в любой момент может быть прекращена вами, если вы захотите этого. Как война немедленно нарушает правильное функционирование труда, так прекращение работы, всеобщая стачка, может одним ударом приостановить войну, сделав для правительства невозможным продолжение ее.

Вы не пейте своих заклятых. Вы сейчас ведете жертвуете ими для чуждого и враждебного вам дела, для угнетавшей вас буржуазии. Для нее же ваши жены и дети умирают с голоду.

Почему же не жертвуете вы собой для полного освобождения нас самих и ваших братьев от позорного векового рабства Империализма в Власти?

Перестаньте бессмысленно потреблять друг друга!

Поверните оружие и ружья против врага в собственной стране, против ваших вечных угнетателей, и объединитесь во имя общего блага, во имя братства всего человечества!

Только раб имеет право идти войной на своего господина!

Осуществите же это ваше священное право, встаньте! Встаньте за свободу, за равенство, за экономическое освобождение!

Смерть буржуазному строю!

Смерть Государству и церкви!

Да здравствует свобода и равенство, свободная Федерация освобожденных народов!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ АНАРХИЯ!

Открыта подписка НА ЖУРНАЛ ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган свободной мысли, издающийся Федерацией групп

“Пробуждение”.

ЖУРНАЛ ПОСВЯЩЕН ВОПРОСАМ: ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ, ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ, НАУКИ, ФИЛОСОФИИ, ИСКУССТВА, ЛИТЕРАТУРЫ И КРИТИКИ.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР
ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

“PROBUZHDENIE”

9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает читателя с журналом, как различные сообщения с мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия “Пробуждения” просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анархическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содействия по распространению журнала, подписанию новых подписчиков, и об оказании ему вашей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнала сможет выходить регулярно, и выполнять возложенную на него миссию распространения безвластнических идей свободы и международного братства людей.

С товарищеским приветом

Н. Коллегия.